

А. Н. ЕЛСУКОВ, А. А. ГРИЦАНОВ

БОРЬБА В. И. ЛЕНИНА ЗА ПЕРЕСТРОЙКУ ФИЛОСОФСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

(К 80-летию выхода в свет книги
«Материализм и эмпириокритицизм»)

Восемь десятилетий прошло со времени создания В. И. Лениным книги «Материализм и эмпириокритицизм» — величайшего философского произведения, оказавшего большое влияние на формирование научного мировоззрения нашей эпохи. Давно уже канули в Лету перепетии политических бурь и философских дискуссий начала века, когда осмысливались уроки поражения первой русской революции и осуществлялась перегруппировка сил перед новыми сражениями.

Пафосом этого произведения Ленина явилась защита философского материализма от нападок со стороны махистов, пытавшихся подвергнуть ревизии сами основы теории К. Маркса и Ф. Энгельса. При этом акцент работы был сознательно перемещен автором на материализм, на теорию познания, в отличие от упора на диалектику, метод мышления, что было свойственно трудам основоположников диалектико-материалистической философии. Этого требовала сама историческая обстановка, сама логика вещей. «Наши махисты, — отмечал Ленин, — желающие быть марксистами, подошли к марксизму... в такое время, когда буржуазная философия особенно специализировалась на гносеологии и, усваивая в односторонней и искаженной форме некоторые составные части диалектики (например, релятивизм), преимущественное внимание обращала на защиту или восстановление идеализма внизу, а не идеализма сверху»¹. Таким образом, контрудар по современной Ленину буржуазной философии необходимо было наносить именно в этой области, делая упор на диалектический материализм.

Историческая заслуга В. И. Ленина заключается не только в том, что он отстоял чистоту философских идей марксизма, но и в том, что эти идеи были впервые изложены в систематизированном виде. После появления книги В. И. Ленина постепенно прекратились разговоры о том, есть ли в марксизме своя философия, своя гносеология и логика. Единство диалектики, логики и теории познания стало рассматриваться как непреложный факт, как основной принцип системной организации философского знания марксизма. Обоснование этого принципа явилось важнейшей заслугой Ленина, определило актуальность книги не только для прошлого, но и для настоящего, как в равной мере и для будущего. Тем более, что книга, написанная «на злобу дня», преследовала и вполне конкретную цель: дать отпор теоретическим отступникам марксизма, прикрывавшимся крикливыми заверениями в верности ему. Эта «злоба дня» имела в тот период весьма важное политическое значение, была связана с чистотой марксистских идей в целом.

Несмотря на то, что к началу XX века эта революционно-преобразующая теория широко распространилась в Европе и в России, марксизм зачастую воспринимался как преимущественно политэкономическое или социально-политическое учение. Ему нередко отказывали в статусе качественно новой системообразующей философии. Философские воззрения классиков марксизма отождествляли то с философией Спинозы, то с концепциями Гегеля или Фейербаха. Находили, что в работах Маркса и Энгельса нет этики или эстетики, упрекали их в отсутствии гносеологии или логики, а то вообще объявляли, что у марксизма нет собственной философии. «У Эн-

гельса, — писал, например, П. Юшкевич, — в разных местах его сочинений разбросана масса отдельных замечаний, касающихся различных проблем философии, но составить из них что-нибудь цельное невозможно»².

Ряд исследователей, считавших себя настоящими марксистами, был убежден, что основная задача теоретиков революции начала столетия — согласовать теорию К. Маркса и Ф. Энгельса с новейшими научными достижениями (выводами Маха, Эйнштейна, Оствальда и других естествоиспытателей), а также исправить те просчеты теоретического порядка, которые, по их мнению, привели к поражениям рабочего движения в конце XIX — начале XX века. («...Мы не можем и не должны отгораживаться китайской стеной от всех попыток осветить основные проблемы мысли иначе, чем это сделали Маркс и Энгельс»³, — утверждал один из махистов Я. Берман).

Действительно, многие «левые» исследователи именно в философии Маха и Авенариуса усмотрели философскую систему, полностью отвечающую духу времени. Так, Н. Валентинов заявлял по этому поводу: «Если Маркс и Энгельс были творцами научной социологии и политической экономии, то Авенариус и Мах — творцами научной философии. Мы считаем обязанностью марксизма усвоить эмпириокритическую теорию, развить ее и положить в основу философии марксизма»⁴.

Внешне новаторская, модная интеллектуальная традиция эмпириокритицизма угрожала захлестнуть философию марксизма, выхолостить ее революционно-преобразующую сущность. Ведь очевидно, что отказ от провозглашения «противоречия основным принципом мышления столь же законным, как и противоположный ему принцип»⁵, возведение равновесия, понимаемого как отсутствие каких бы то ни было конфликтных состояний внутри организма, в ранг высшего принципа мышления налагали запрет как на анализ объективных противоречий антагонистического общества, так и на поиск путей радикального его переустройства.

Попытки Г. В. Плеханова возвести надежную преграду на пути этой волны оказались малоэффективными. Махизм продолжал привлекать на свою сторону все новых и новых приверженцев, проникая в ряды социал-демократии — не только меньшевиков, но и большевиков.

Наблюдая за отягченной фракционными амбициями дискуссией между Плехановым и выражающим махистские ориентации среди большевиков А. Богдановым, Ленин не мог не понять всей ее опасности. На почве эмпириокритицизма происходила явная консолидация всех сторонников ревизии философии марксизма. Главным подтверждением этому явился выход в свет книги «Очерки по философии марксизма», в которой нашли общую теоретическую платформу меньшевики и отдельные большевики (авторами ее были: Базаров, Берман, Богданов, Гельфонд, Луначарский, Суворов, Юшкевич). Не случайно В. И. Ленин назвал эту работу «Очерками против философии марксизма».

Неизбежность открытого мировоззренческого и теоретического конфликта, диктуемая политической ситуацией, заставила Ленина взяться за работу. За девять месяцев напряженного труда (с февраля по октябрь 1908 года) он создал свое основное философское произведение, в котором не только дается отповедь идейным противникам, но и в систематизированном виде излагаются основные положения марксистской философии, подкрепленные новейшими данными из области обществознания и социальной практики.

В. И. Ленин не ставил себе цель создания философского сочинения чисто академического толка. Главная задача «Материализма и эмпириокритицизма» имела скорее политический (или в данном случае, можно сказать, практический) смысл и состояла в том, чтобы раскрыть гносеологические корни махистских заблуждений русских социал-демократов, несовместимость идей марксистской философии и эмпириокритицизма. Этим и объясняется острополемический характер ленинской работы.

Раскрывая логику ленинских идей, можно выделить следующие смысловые блоки: раскрытие сути материалистической диалектики; рассмотрение основных философских категорий; выяснение природы сознания и познания; анализ философских проблем естествознания и обществознания.

Важное место в борьбе с эмпириокритицизмом приобрела проблема материи и форм ее существования. Стремясь преодолеть крайности субъективного идеализма и метафизического материализма, Мах и его последователи, как они сами об этом заявляли, пытались сформулировать такое представление о физической реальности, которое не включало бы в себя понятие материи, а исходило из «чисто научных» оснований. С этой целью

и вводились новые словечки типа: «комплекс элементов», «ряд физических элементов», «принципиальная координация», «член», «противочлен» и т. д., которые выводились из структуры человеческого опыта. Тем самым само понятие опыта становилось центральной категорией махизма, с помощью которой приверженцы этой философии желали выйти за пределы «метафизических оснований» учения Маркса — Энгельса.

Хорошо известно, что прежняя, т. е. домарксистская философская мысль действительно не отвечала запросам развивающегося научного знания и была в рамках диалектического материализма приведена в соответствие с этими потребностями. Позитивистская традиция, стремившаяся решать, казалось бы, ту же самую проблему, строилась на идеалистической основе и не могла обеспечить продуктивной реконструкции философского знания. Субъективистски истолкованное понятие опыта не могло заменить основополагающее понятие материи, приводило лишь к бесконечной путанице в основном вопросе философии. Тем не менее мнимая устраненность центральной категории эмпириокритицизма от традиционного проблемного поля материи и сознания, а также от метафизически истолкованного понятия материи казалась некоторым исследователям вполне убедительным доказательством новизны данного подхода в решении ключевых философских проблем.

Стремясь подправить своих идейных учителей (Маха и Авенариуса), упрекая их в некоторой непоследовательности и даже в дуализме, А. Богданов выдвинул идею «единого потока человеческого опыта», не заметив при этом, что сама действительность, объективная реальность оказались у него в полной зависимости от сознания или коллективного опыта. «Основа объективности, — пишет он, — должна лежать в коллективном опыте»⁶. И как итог подобных рассуждений следует заключение о том, что «объективность физического труда — это его общезначимость», понимаемая как «согласованность опыта различных людей, взаимное соответствие их переживаний»⁷.

Определив подобным образом понятие физической реальности, А. Богданов уже не мог вырваться из идеалистических пут при определении пространства и времени, понятия истины, соотношения общественного бытия и сознания и т. д. Ясно, что такие идеи были весьма далеки от марксистской философии и никак не могли ее «дополнить». Поэтому нет ничего удивительного в том, что В. И. Ленин дает им весьма не лестную характеристику: «И подобный несказанный вздор выдается за марксизм! Можно ли себе представить что-нибудь более бесплодное, мертвое, схоластичное...»⁸ Вся работа В. И. Ленина выдержана в духе конструктивной критики ошибочных воззрений махизма. В ней не только отстаивается чистота марксистских идей, но также дается им новое, естественнонаучное обоснование. Мы очень нуждаемся сегодня в высококомпетентном, творческом материализме Владимира Ильича как философа, в диалектической гибкости его мышления, в его умении мыслить конкретно-исторически, увязывать теорию с практикой, в его конструктивно-критическом отношении к действительности.

В книге В. И. Ленина доказывается важнейшая и для нашего времени, эпохи революционной перестройки советского общества, истина: в период качественных общественных сдвигов (и в политике, и в естествознании, и в других сферах социальной жизни) без диалектики, без умения диалектически мыслить нельзя удержаться на позициях научности и материализма. Перестройка — первая в истории революция, которая, по-видимому, не ведет к созданию новых мифов, а, напротив, учит людей воспринимать объективный мир таким, каков он есть. Именно поэтому призыв партии «начинать перестройку с себя» означает отказ от такой модели мировосприятия, в границах которой доминируют достаточно жесткие, доктринерские клише, одномерные, односторонние программы социальной деятельности, — от модели, не соответствующей более бурно меняющимся историческим условиям существования людей.

В наше время нет необходимости доказывать огромный интерес советской общественности к изучению основополагающих трудов классиков марксизма-ленинизма. Для нас особенно важным является овладение самим методом мышления, присущим К. Марксу, Ф. Энгельсу, В. И. Ленину. Пафос ленинской работы, ее воздействие на все стороны общественной жизни и философской мысли XX столетия являются образцом борьбы за материалистическую диалектику, за подлинно научную теорию познания, за воинствующий материализм, без которого нет и не может быть марксистско-ленинского мировоззрения.

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 350.
- ² Юшкевич П. Материализм и критический реализм (О философских направлениях в марксизме). СПб., 1908. С. 13.
- ³ Берман Я. Диалектика в свете современной теории познания. М., 1908. С. 5—6.
- ⁴ Валентинов Н. Философские построения марксизма: Диалектический материализм, эмпириомонизм и эмпириокритическая философия. М., 1909. Кн. 1. С. 209.
- ⁵ Берман Я. Диалектика в свете современной теории познания. С. 164.
- ⁶ Богданов А. Эмпириомонизм. М., 1904. С. 25.
- ⁷ Там же. С. 26.
- ⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 347.

Н. С. СЕМЕНОВ

ПОНЯТИЕ ЛОГИЧЕСКОГО У КАНТА

И. Кант, философ-новатор, был одновременно и одним из крупнейших реформаторов логики. Немецкий мыслитель впервые ясно осознал границы традиционной логики и четко определил ее предмет. Она для него «есть наука, обстоятельно излагающая и строго доказывающая одни только формальные правила всякого мышления»¹. Здесь рассудок имеет дело только с самим собой и своей формой. Это то, что Гегель позднее назовет рассудочной логикой, которая составляет только один момент логического вообще. Такое понимание традиционной логики, ограничивающее круг ее задач и возможностей исключительно одним лишь формальным моментом мышления, породило проблему создания новой логики, которая исследовала бы само происхождение форм мышления, возможность их применения к чувственному материалу и, следовательно, отвлекалась бы не от всякого содержания мысли и познания. Все это означало расширение самого понятия логического, выявление его действительного содержания и глубинного смысла, а также потребовало разработки логической системы, в которой трансцендентальная логика должна была определить свое место.

Это расширение понятия логического у Канта было связано с его пониманием сущности научного познания. Философ признает два источника знания: восприимчивость к впечатлениям, т. е. способность получать представления, и спонтанность понятий (которую интересно было бы сравнить с гегелевским «самодвижением» понятий), т. е. способность познавать через эти представления предмет (см. с. 154). Посредством первой способности предмет дается, посредством второй — мыслится. Таким образом, познание всякого предмета предполагает два условия — его данность и его мыслимость. Иными словами, научное познание есть обязательно синтез созерцания и понятия.

Но поскольку признаваемый Кантом идеал научного знания предполагает безусловную всеобщность и необходимость этого знания, то данный синтез не может быть эмпирическим. Следовательно, в основе самой возможности всякого эмпирического синтеза созерцания и понятия должны лежать внеэмпирический, априорный синтез. Отсюда вытекает и внеэмпиричность, априорность синтезируемых в нем созерцаний и понятий. Их внеэмпирический характер требует полного отвлечения от «материи» (т. е. ощущений); априорное, таким образом, касается только формы, а именно чистой формы рассудка (категории).

Все это хорошо известно. Однако следует еще раз обратить внимание на поистине удивительный характер обеих синтезируемых сторон и на сам этот синтез. Иначе мы вряд ли поймем специфичность кантовского понимания логического. Что такое «данность»? Это своеобразная «субъективированная объективность». В основе данного — абсолютно неконструируемая «вещь сама по себе», объективная реальность. Но дается она только через субъективные (хотя и «чистые», трансцендентальные) формы нашего созерцания. Получается, что в «данном» нельзя устранить оба момента — ни объективный (иначе данность была бы заданностью, положенной целиком самим субъектом), ни субъективный (иначе мы непосредственно имели бы дело с самой «вещью в себе»).

А что такое мыслимость? Это, наоборот, своеобразная «объективированная субъективность». Мышление есть дискурсивная деятельность рассудка, сводимая к суждениям. Кант (и здесь налицо формальный момент совпадения с Гегелем) пишет вполне определенно: «мышление есть познание через понятия» (с. 167). Последние — предикаты возможных суждений.